

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА И МУСУЛЬМАНСКИЙ ДЖИХАД

Интервью поэта и прозаика Игоря МИХАЛЕВИЧА-КАПЛАНА с историком религии, доктором философии Михаилом СЕРГЕЕВЫМ

– Один из авторских курсов, которые Вы преподаете в Университете искусств, называется «Священная война». В чем, по Вашему мнению, выражается сущность такой войны, и чем она отличается от обычных военных действий?

– Мой курс по священной войне разбит на три части. В первой студенты читают отрывки из священных писаний разных религий, и мы обсуждаем саму концепцию святой войны. Вторая часть посвящена ее историческому воплощению во времена Средневековья и Реформации. Я имею в виду, конечно же, крестовые походы и Тридцатилетнюю войну между католиками и протестантами. Наконец, в третьей и заключительной части курса мы переходим к Новому времени и к практикам священных войн в современном нам обществе.

Так вот, что касается самой идеи святой войны, то она была сформулирована в писаниях трех мировых религий – Иудаизма, Индуизма и Ислама. В древнееврейской религии священная война описана в Книге Иисуса Навина, события которой ученые-библеисты относят приблизительно к XII в. до нашей эры. Книга Иисуса Навина повествует о премнике Моисея, который привел свой народ в землю древнего Ханаана и, уничтожив коренное ее население, распределил территорию между иудейскими племенами.

Книга Иисуса Навина – одна из наиболее тяжелых для чтения в Ветхом Завете, поскольку речь в ней идет об этнической чистке или, как мы бы сейчас сказали – геноциде целого народа, да еще и по воле Божьей. Соответствуют ли военные кампании, описанные в этой книге, реальным историческим событиям? Увы, однозначного ответа на этот вопрос историческая наука дать не в состоянии. Проведенные археологические раскопки показали, что следы внезапного и насильственного разрушения присутствуют в несколько городах, относящихся к XIII в. до нашей эры. Однако при раскопках Иерихона и Ая (Гая) – двух ключевых населенных пунктов, упомянутых в Библии – ученые не нашли никаких признаков военных действий, связанных с тем временем.

В современной библеистике существуют три гипотезы о том, что в действительности произошло в древнем Ханаане. Согласно одной из них, библейское повествование исторически точно и описывает реальные события, происходившие более трех тысячелетий назад. По второй, военные действия в земле обетованной вели не иноземцы, а местные жители во главе с Иисусом Навиным, взбунтовавшиеся против засилья аристократической элиты. Наряду с этой «революционной» моделью событий, есть и третья гипотеза, которая вообще отрицает ведение боевых действий на этой территории во времена Навина. Ее сторонники

полагают, что происходило мирное и постепенное переселение племен из одних мест в другие. Повторяю – ни одна из этих теорий окончательно не доказана.

В Индуизме идее священной войны посвящена знаменитая Бхагавад Гита – самая популярная книга в индийской культурной традиции. Она является частью многотомного эпоса Махабхарата, повествующего о войне между двумя кланами, Пандавами и Кауравами, восходящими к одному племени Бхарата. Бхагавад Гита рассказывает об одном из воинов клана Пандавов по имени Арджуна, который переживает сомнения накануне решающей битвы. Он хочет покинуть поле боя, поскольку ему предстоит сражаться против родственников и, что еще хуже, против своего духовного учителя. В индийской религии учитель, или гуру дает ученикам второе, духовное рождение. Убить своего гуру – тягчайшее преступление, за которым следует неизбежная расплата. Арджуна хочет сложить оружие и спрашивает совета у своего возничего Кришны, который на самом деле является аватаром, или воплощением Верховного Божества. В ответ Кришна объясняет смятенному воину как надо сражаться, чтобы сохранить святость и избежать дурного влияния кармы.

В религии Ислама концепция священной войны выражена, как известно, в идее джихада. Однако с термином этим, как и с самой мусульманской религией, нужно обращаться аккуратно. На Западе существуют две позиции по отношению к Исламу – либеральная и фундаменталистская. Либералы утверждают, что Ислам такая же мирная религия, как и Христианство. Мусульмане поклоняются тому же «милостивому и милосердному» Богу, а также исповедуют общие для религий авраамского корня моральные ценности. Фундаменталисты, напротив, уверяют, что Ислам – это религия перманентной войны, что пророк Мохаммед был главным террористом, и что Аллах не имеет ничего общего с христианской Троицей.

На мой взгляд, обе эти крайние позиции значительно упрощают ситуацию, вырывая Ислам из контекста всемирной истории и рассматривая его сквозь призму собственной идеологии. На самом деле мусульманская религия, как и всякая другая, значительно сложнее и многограннее, нежели ее рисуют западные апологеты. Мусульманство принимало разнообразные формы в зависимости от конкретной исторической эпохи и культурных обстоятельств. В конце концов и само Христианство вовсе не такая уж мирная религия, как стараются это представить нынешние его последователи.

Та же история и с термином «джихад», который буквально переводится как «борьба». Он неоднократно встречается в Коране, зачастую в идеоматическом выражении «борьба на пути Бога». Западные исследователи определяют джихад как религиозную войну с иноверцами. Мусульманские же ученые различают три вида джихада – *духовный, социальный и собственно милитаристский*.

Духовный джихад – это внутренняя битва с собственными недостатками, которую денно и нощно должен вести каждый верующий. Социальный смысл джихада заключается в том, чтобы бороться за построение справед-

ливого и гуманного общества. И только в буквальном понимании джихад означает применение силы для защиты мусульманской веры и то в случае необходимости.

Так что понятия «джихад» и «священная война» не всегда совпадают. Джихад вовсе не обязательно подразумевает насилие или военные действия. Махатма Ганди вел борьбу (или джихад) за национальное освобождение Индии и создание независимого индийского государства, но она была основана на принципе ненасилия. Советские диссиденты во главе с академиком Сахаровым тоже развернули мирный «джихад» за соблюдение прав человека в Советском Союзе. В Соединенных Штатах Мартин Лютер Кинг возглавил американский «джихад» за расовое равноправие и десеграгацию афроамериканцев.

— **Давайте все же вернемся к теме нашей беседы, а именно к священной войне. Во всех трех Ваших примерах — из Иудаизма, Индуизма и Ислама — речь идет о религиозной и в то же самое время о священной войне. Это одно и то же или между ними существуют различия? И если они есть, то в чем состоят?**

— Как известно, не всякий верующий достигает святости. Религиозность и святость — не одно и то же, хотя религия и является необходимым условием для достижения последней. То же самое с религиозными и сакральными войнами. Не каждая религиозная битва священна, но всякая по-настоящему священная война ведется из религиозных побуждений. А разница между ними весьма проста и описана одинаково в Иудаизме, Индуизме и Исламе.

В Книге Иисуса Навина, к примеру, мы читаем о запрете у древних израильтян оставлять в живых пленных после сражения. Израильтяне убивали всех своих врагов и сжигали города, поскольку им не позволялось наживаться на войне — брать себе скот или рабов. В Бхагавад Гите Кришна сходным образом наставляет Арджуну, объясняя ему, что воевать нужно без малейшей заинтересованности в результатах схватки — полностью сосредоточившись на приятии воли Божьей. А Ислам объединяет эти две ипостаси — внутреннюю и внешнюю — священной войны, различая милитаристский и духовный джихад.

В самом деле, настоящий джихад включает в себя как борьбу с эгоистическими устремлениями, так и, собственно, военные действия, как это демонстрируют сегодняшние мусульманские террористы. Ради джихада они готовы не только отказаться от материальной выгоды, но и пожертвовать собственной жизнью. Таким образом, можно сказать, что священна та война, которую ведут из религиозных побуждений, полностью отказываясь от какой-либо личной выгоды.

— **В теории это звучит весьма благородно и для кого-то, возможно, привлекательно. А вот в реальной жизни встречались ли такие совершенно бескорыстные войны? Ведь даже мусульманские террористы, о которых вы упомянули, действуют в некотором смысле эгоистично. Жертвуя жизнью, они надеются пожать духовные плоды своих поступков и попасть в рай.**

— Вы совершенно правы. Даже нынешние моджахеды, которые убивают себя во имя Аллаха, преследуют выгоду. Пусть, на наш взгляд, не

реальную, а воображаемую, — но все же выгоду. В истории человечества не было бескорыстных войн. Мы, конечно, не знаем, что происходило в легендарные времена Иисуса Навина или Арджуны, но то, что нам известно о более близких к нам эпохах, не оставляет в этом сомнений.

Возьмем крестовые походы XI—XII столетий. В 1095 г. на католическом соборе в Клермонте папа Урбан II произнес знаменитую речь, в которой призвал христианский мир к походу против мусульман. В своей речи папа сослался на военную угрозу Византии со стороны турок. Он взывал к религиозным чувствам европейских христиан, описывая разрушения христианских святынь и нападения на паломников. Лидер католической церкви убеждал паству начать святую войну, но при этом не забывал посулить выгоду от нее тем, кто последует его призыву. Папа обещал всем крестоносцам отпущение грехов, а тем, кто падет на поле битвы — райские блаженства. Упомянул он и о материальных вознаграждениях для воинов, привлекая их захватом чужих земель и последующим богатством, властью и престижем.

Так что уже с самого начала крестовых походов речь вовсе не шла об истинно священной войне. Ну а те, кто читал хронику этих походов, описанных в «Деяниях франков», знают, что реалии оказались намного мрачнее, нежели папские посулы. Франки убивали и грабили не только евреев и мусульман, но и братьев по вере, православных христиан. По вероломству и насилию они превзошли своих врагов. После одной из битв, испытывая нехватку продовольствия, франки опустились до каннибализма, поджаривая врага на кострах и поедая трупы убитых ими воинов.

Возьмем теперь другой пример — Тридцатилетнюю войну в Европе между католиками и протестантами, которая началась в 1618 г. в Богемии на территории Священной Римской Империи. Разгорелась она из-за несогласия протестантской элиты Богемии признать Фердинанда II, католика по вероисповеданию, своим правителем. Тогда-то и произошло событие, ставшее известным в истории, как «дефенестрация Праги» — протестанты выбросили из окна королевского дворца представителей коронованной особы. Делегация католиков чудом уцелела, приземлившись в навозную кучу. С этого печально знаменитого инцидента Европа и забурлила. Фердинанд позвал на выручку своего племянника, короля Испании Филиппа II. Богемия стала искать покровительства и защиты у протестантских держав — Швеции и Дании... И пошло-поехало.

Поначалу силы распределились по религиозному признаку — протестанты воевали против католиков. Однако на последнем этапе войны, когда Франция в 1635 г. официально выступила в союзе с протестантами, окончательно выяснился не столько религиозный, сколько политический ее характер. Католическая Франция буквально накануне — в конце 1620-х гг. — жестоко расправившаяся со своими протестантами-гугенотами, боялась усиления испанской и австрийской корон. Поэтому премьер-министр французского короля Людовика XIII, кардинал де Ришелье, объявил войну сначала Испании, а затем, год спустя — Священной Римской Империи, и повел наступление против Габсбургов, правивших в Австрии на стороне

их противников — Швеции и Дании. Так что вне зависимости от того, религиозная ли это война или нет, воюющие стороны преследуют и другие, более прозаические — политические, экономические и социальные — цели.

— Да, конечно. Сегодняшние мусульманские террористы тоже ведь жертвуют жизнью не просто ради идеи, а для создания исламского халифата. Скажите, а есть ли принципиальная разница между крестовыми походами в Средние века и «войной с терроризмом» в наше время?

— Ну, во-первых, терроризм — это не война, а бандитизм. Террористы не разбираются в средствах и не гнушаются ничем для достижения собственных целей. Они убивают всех без разбора — стариков, женщин, детей. Конечно, и во времена крестовых походов как христиане, так и мусульмане совершали преступления и убивали мирных жителей, но все же это были, пусть и отвратительные, но побочные явления, а не явно поставленная цель.

Во-вторых, говоря о мусульманском терроризме нельзя не сказать о программе европейского Просвещения, сформировавшей демократические государства Нового времени. Европейское Просвещение — сравнительно недавнее культурное явление, охватившее западный мир, начиная со второй половины XVII в. и набравшее силу в последующем XVIII столетии. Оно проложило водораздел между средневековой и современной христианскими цивилизациями.

Просветители сформулировали новое мировоззрение, в основание которого положили не откровение и священные писания, а человеческий разум, считавшийся ими самодостаточным. В результате возникла так называемая секулярная культура, источником которой была не Церковь, а светская мысль. Просветители ратовали за отделение религии от государства и модернизацию общества на основе демократических принципов всеобщего равенства и прав человека. Практическое воплощение эта идеология получила в Соединенных Штатах и Франции, которые в конце XVIII в. создали первые государства просвещенческого типа.

Традиционные религии реагировали болезненно на философию Просвещения, и по вполне понятной причине. Многие из них включали законы и установления, касающиеся как религиозной, так и светской — экономической, социальной, политической — сферы. Идти на компромисс они не собирались. Поэтому продвижение идеалов Просвещения, которое мы наблюдаем в XIX и XX столетиях, натолкнулось на религиозно-политическую реакцию в разных уголках планеты. Так и современные моджахеды борются не только и не столько с Христианством, сколько с идеями Просвещения, олицетворяемыми «прогнившим» Западом. В этом и состоит одно из главных отличий ранне-мусульманских завоеваний от сегодняшнего джихада.

— Однако и в том и в другом случае мы имеем дело с религиозными фанатиками, которые во имя Бога готовы уничтожить все человечество. Может быть, правы те критически настроенные мыслители, которые считают, что вера как таковая есть зло? Я имею в виду представителей так называемой

«третьей волны» атеизма — Ричарда Докинза, Сэма Харриса, ныне покойного Кристофера Хитченса и др.

— Увы, волн этих было гораздо больше, если считать советскую, китайскую и прочие версии атеистического мировоззрения. Вы же говорите, конечно, о европейском атеизме. Первая волна была во Франции (Ламетри, барон Гольбах, Дидро), вторая в Германии (Маркс, Ницше, Фрейд), ну а третья пришлось на англо-американскую культурную традицию.

— Вы совершенно правы — нынешние атеисты полагают, будто религия не только бессмысленна, но и вредна. Отчасти это так. Религия, действительно, может принести зло. Но не будем забывать, что вера спасает людей от трагичности их существования. Мы осознаем себя и свою неизбежную смерть, однако понятия не имеем, что ждет нас в посмертии. Наука не в состоянии помочь людям ориентироваться в ситуации, когда «начала и концы» жизни от них скрыты. Только религия может тут помочь, но она тем и опасна, что оперирует с потусторонним миром, и ее истины нельзя экспериментально ни подтвердить, ни опровергнуть.

В этом смысле религия схожа с атомом, чью энергию можно направить на самые разные цели. Кто-то построит атомную электростанцию, а кто-то создаст ядерную бомбу. Но до тех пор, пока условия человеческого существования кардинально не изменятся (если такое вообще возможно), не исчезнет и религия. И мы должны отдавать себе ясный отчет в том, что вера может быть как полезна и даже спасительна, так и опасна, а в некоторых случаях очевидно вредна.

Как тут отделить зерна от плевел? На мой взгляд, решающее слово в этом выборе за моралью. Исторически единобожие развивалось как религиозно-этическое мировоззрение. Бог Авраама, Исаака и Иакова, в отличие, скажем, от древнегреческого Зевса или индусского Брахмана, не просто единственное или верховное божество. Библейский Ягве — это Бог, призывающий людей к нравственному совершенствованию. Религия выступает здесь средством, а целью является культивирование добродетелей. Если же она приводит верующего к имморализму и пороку, то не выполняет главной своей задачи. Это то же, что принимать лекарство, которое не лечит болезнь, а ухудшает состояние больного. От такой религии лучше вовсе отказаться.

В давние советские времена я обсуждал эту тему с моей учительницей по литературе Эммой Дмитриевной, светлая ей память! Она была православной христианкой, глубоко верующим человеком. Я же был воспитан в строго атеистическом духе. Во время одной из наших бесед Эмма Дмитриевна сказала мне, что главное, не во что веришь, а как живешь. Совет этот я запомнил на всю жизнь и стараюсь следовать ему и поныне.

— **Позвольте мне на прощание задать вопрос, на который, возможно, не найдется утвердительного ответа. Существуют ли религии, в которых священная война запрещена?**

— Насколько мне известно, в священных писаниях только одной религии есть подобный запрет. Я имею в виду Веру Бахаи — сравни-

тельно молодую духовную традицию, зародившуюся в середине XIX в. в Иране. А среди классических религий самая мирная — Буддизм. Будем надеяться, что именно эта тенденция возобладает в религиозном развитии человечества и со временем приведет к миру во всем мире, о котором люди давно мечтают, но которого пока не удастся достичь.

Игорь МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН. Поэт, прозаик, переводчик, издатель. Родился в 1943 г. в г. Мары (Туркменистан). Жил и вырос во Львове (Украина). Окончил Львовский полиграфический институт. На Западе с 1979 г. Живет в Филадельфии (США). Им издано семь книг поэзии и прозы. Издается в России, США, Англии, Канаде, Дании, Германии, Израиле и других странах. Участник сборников и антологий: «Строфы века-II. Мировая поэзия в русских переводах XX века» (М., 1998); «Библейские мотивы в русской лирике XX века» (Киев, 2005); «Современные русские поэты» (М., 2006); «Российская эмиграция: прошлое и современность» (изд-во Научного совета РАН); «Земляки» (М., 2009), и многих других.

Михаил СЕРГЕЕВ. Родился в 1960 г. в Москве. В 1982 г. окончил Московский государственный институт международных отношений по специальности журналистика. Работал корреспондентом международного отдела в еженедельнике «Собеседник», редактором в Гостелерадиофонде, заведующим литературной частью в московском театре-студии «Арлекин». В 1990 г. уехал в Соединенные Штаты на аспирантскую учебу на кафедре религиоведения в филадельфийском Университете Темпл. В 1997 г., с отличием защитив диссертацию по русской софиологии, получил степень доктора философии по специальности «философия религии». Преподает историю религий и современного искусства в Университете Искусств в Филадельфии. Автор многочисленных статей на русском и английском языках, опубликованных в российских и американских научных журналах, а также ряда книг, включая *Theory of Religious Cycles: Tradition, Modernity and the Bahá'í Faith* (Brill, 2015).